

NEED AND CARE — GLIMPSES INTO THE BEGININGS OF EASTERN EUROPE'S PROFESSIONAL WELFARE / Kurt Schilde and Dagmar Schulte (eds.). Opladen and Bloomfield Hills: Barbara Budrich Publishers, 2005. — 296 p.

(Нужда и забота — знакомство с началами профессионального социального обеспечения в Восточной Европе)

В 2006 г. значительное число научно-практических конференций, проводимых отечественными вузами и научно-исследовательскими организациями, было посвящено 15-летию социальной работы в России. Международное академическое сообщество также не осталось в стороне от этой даты, и рецензируемый сборник являет собой пример серьезной аналитической работы, предлагая вниманию читателя историческую ретроспективу зарождения, развития и профессионализации социальной работы в Восточной и Юго-Восточной Европе.

Исследователи из 8 стран — Болгарии, Хорватии, Венгрии, Латвии, Польши, Румынии, России и Словении — представили 16 кейс-стади, в основу которых положены результаты работы в рамках проекта «История социальной работы в Восточной Европе 1900–1960» («History of Social Work in Eastern Europe 1900–1960»). Статьи сгруппированы в четырех разделах сборника:

- Пионеры социальной работы в Восточной Европе — биографические скетчи и портреты (Social work pioneers in Eastern Europe — Biographical sketches and portraits)
- Сферы деятельности (Fields of work)
- Социальная политика и общественные движения (Social politics and social movements)
- Профессионализация (Professionalisation).

Хотелось бы отметить, что с самых первых страниц и до конца книги у читателя создается ощущение знакомства с материалом высокого академического уровня, грамотно структурированным, основанным на серьезном методологическом подходе. Составителям, на наш взгляд, удастся избежать фрагментарности, которой зачастую, к сожалению, страдают сборники и коллективные монографии. Поскольку книга стала результатом совместной работы ученых из разных стран, рассматривающих социальную работу с позиции истории, социологии, педагогики, то, очевидно, можно говорить о междисциплинарном подходе, который реализован авторами и редакторами сборника через призму кросс-культурного компаративного исследования.

Историческое исследование социальной работы в странах Восточной и Юго-Восточной Европы ставило целью осветить основные социально-экономические, политические, идеологические, религиозные, культурные факторы, оказавшие серьезное влияние на развитие и профессионализацию социальной работы в выбранных для анализа странах. Напомним, что в 1994 г. был выпущен в свет сборник «Обучение социальной работе в Восточной Европе», который также освещал вопросы подготовки специа-

листов в сфере социальной работы в ряде стран, недавно вставших на путь свободного демократического развития — Румынии, Польши, Чешской Республики, Венгрии, Литвы и России (*Education for Social Work...* 1994). Однако представленные в нем статьи лишь схематично намечали содержание основных современных тому периоду проблем, связанных с получением профессии социального работника в указанных странах.

Основные исследовательские вопросы, ответы на которые предлагаются в рецензируемой книге, таковы:

- Каковы фундаментальные основы и корни социальной работы? (анализ различных социальных движений, которые явились главными движущими силами формирования социальной политики и возникновения социальной работы);
- Какими были основные аспекты профессионализации? (вопросы профессиональной подготовки и международных обменов специалистами-соцработниками);
- Каковы были главные направления социальной работы? (наиболее востребованные сферы социального обеспечения детей и заботе о здоровье населения);
- Имела ли какую-либо специфику социальная работа и предоставление социальных услуг таким категориям, как, например, женщины и этнические меньшинства?
- Наконец, каковы были ежедневные практики социальной работы? Как социальная работа воспринималась клиентами и самими соцработниками? (ежедневное исполнение своих обязанностей так называемыми активистами — общественниками — в советской России, а также жизнь детей в советских детских домах) (С. 276).

Отдельного внимания заслуживает разнообразие методов сбора и анализа данных, использованных авторами статей. Результаты исследований, опубликованные коллегами из Венгрии, Польши, Болгарии и Хорватии, помещенные в первый раздела сборника, основаны на биографическом методе, как, например, в случае кейс-стади о пионере социальной работы в Венгрии и руководителе Еврейского Приюта для девочек в Будапеште с 1898 г. по 1944 г. Katalin Герц (С. 15), или об основательнице университетского курса «Социальной работа» в Загребе — Tajana Marinić (С. 54).

В ряде случаев более или менее полные биографии подвижников социальной работы просто отсутствуют, и авторам удается воссоздать биографические скетчи и портреты тех, кого сегодня мы называем профессиональными социальными работниками, с помощью анализа нарративов, устных историй и, что очень важно, архивных данных, дневников, писем, публикаций в журналах и газетах. Основанная на архивных материалах статья «Следы Райаны Петковой: в поиске баланса между социальным контролем, профессией и благотворительностью» («Traces of Rayana Petkova. In search for a balance between social control, profession and charity») Кристины Поповой из Болгарии предлагает читателю интересный и неоднозначный образ женщины, благодаря которой социальная работа в Болгарии в 1930-х гг. превратилась в профессиональное занятие (С. 37).

Первый раздел сборника, как, собственно, и вся книга, иллюстрируют исключительную важность исследования социальной работы с позиций феноменологического подхода, когда интерес к микроуровню анализа, к

единичному случаю обусловлен вниманием к социальному контексту, проявляющемуся в микроисториях социальной помощи, в жизненном опыте людей, в динамике идеологических основ социальной политики. Предпочтения подобного обращения к микроуровню анализа в исторических исследованиях социальной работы не раз высказывались отечественными авторами, также стоявшими у истоков профессионализации социальной работы в России в конце 1980-х — начале 1990-х гг. (Нужда и порядок 2005; Романов 2002; Ярская-Смирнова 2001).

Отдельно хотелось бы отметить, что статьи первого раздела несут огромный эмоциональный заряд, которым пронизаны биографии настоящих героинь социальной работы из Болгарии, Венгрии, Хорватии и Польши. Становится очевидным, что для оформления социальной работы в профессию, кроме внешних и внутренних условий, сложившихся в этих странах в период с конца XIX до середины XX в. (роли государства в организации и предоставлении социальной помощи, правовой базы для оказания социальной помощи и услуг) очень важно истинное подвижничество, жертвенность, готовность прийти на помощь обездоленным, больным, оступившимся, — качества, которые проявляли женщины, стоявшие у истоков социальной работы — Katalin Gerц, Rayana Petkova, Tajana Marinić, Iona Fuldь, Helena Radlińska, Maria Uziembło и др. Сквозь призму историй конкретных людей мы обнаруживаем типичные комбинации факторов — религиозная мотивация, гендерная солидарность, глубокая озабоченность социальными проблемами, целеустремленность и желание работать для улучшения условий жизни — совокупность которых и явилась необходимым и достаточным условием для зарождения, развития и профессионализации социальной работы в странах Восточной и Юго-Восточной Европы.

Второй раздел книги фокусируется на основных направлениях социальной работы в СССР и Венгрии в 30-х – 60-х гг. прошлого столетия. Мы коснемся двух статей, освещающих отечественный опыт. В основе статьи Юлии Градской «Детские сады воспитали детей» («Nurseries have brought up children») лежит исследование гендерных аспектов каждодневной социальной работы с матерями и семьями в советских городах в период 1930–1960 гг. Автор провела в 2003–2005 гг. в Москве, Самаре и Саратове 6 интервью с женщинами, родившимися между 1918 и 1940 гг. и являвшимися социальными работниками в советское время. Для более детального описания исторического контекста социальной работы в советский период в России привлекались материалы наиболее популярных изданий того времени, например, журналов «Работница» и «Гигиена и здоровье», а также материалы Государственного Архива РФ, включая документы Министерства Здравоохранения РСФСР.

В результате автор приходит к ряду интересных выводов. Во-первых, социальная работа была важной составляющей практической реализации советского варианта политики социального обеспечения по отношению к детям и матерям. Во-вторых, дискурс «социального материнства», подчеркивающий важность включенности государства и общества в решение социальных проблем, связанных с материнством, в действительности не только использовался советским правительством для защиты здоровья матери и ребенка и обеспечения надлежащих условий для воспитания детей, но одновременно способствовал практике социальной изоляции и реп-

рессии. Что касается самих социальных работников 30-х–50-х гг. XX в., это чаще всего были женщины, которые оказывали содействие и помощь прежде всего семьям с детьми и делали это в качестве дополнительной к основной работе, за небольшую плату или «на общественных началах». Условия работы таких «помощников» чаще всего характеризовались отсутствием профессиональной подготовки и значительным количеством затрачиваемого дополнительного «рабочего времени». При этом, как показали материалы интервью, женщины — социальные работники были искренне заинтересованы в оказании помощи нуждающимся в ней семьям, близко к сердцу принимая их проблемы и стремясь максимально полно исполнить свои обязанности. Однако в целом «социальная работа» описывалась интервьюерами как «исключительно бюрократизированная система» (С. 84), не позволявшая самим «социальным работникам» принимать решения относительно проблем их клиентов. Находящаяся под неусыпным контролем Коммунистической партии и Всесоюзного Ленинского комсомола, так называемая «добровольная» социальная работа практически не допускала никакой инициативы или «индивидуального подхода к клиенту» (С. 87). Вероятно, именно тогда, в середине прошлого века и зародилось отношение к социальным работникам как к обладающим «двойным мандатом»: то есть обязанным находиться одновременно и на стороне клиента, и на стороне социального государства (Sing 2005). Сегодня такое положение соцработника часто становится предметом дискуссии с позиции социального менеджмента. В целом, деятельность «социальных работников» сами интервьюеры воспринимали с точки зрения укоренившихся в сознании патриархальных взглядов на феминность, связанную с органической склонностью женщин к роли помощницы, сиделки, воспитательницы.

Еще одна статья второго раздела предлагает читателю осмыслить практику институционализованного ухода за детьми в советской России 1920-х–1940-х гг., основываясь на результатах исторического кейс-стади детского дома «Красный городок» в г. Саратове. Авторы — Павел Романов и Елена Ярская-Смирнова — провели интервью с четырьмя воспитанниками этого детского дома и попытались выяснить, каким образом советская форма институционализованной заботы о детях решала основные задачи социальной работы во время советской власти.

По мнению исследователей, можно выделить три основных концепта, на которых базировались забота и контроль, как две составляющие социальной работы того времени. Первый концепт — чувство и практика коллективизма, второй — культура, и третий — труд (С. 117). Отмечается значительное влияние идеологии на все аспекты социальной работы с детьми, а также известная амбивалентность процесса воспитания в детском доме, которая, с одной стороны, создавала для детей дополнительные возможности, а с другой — порождала особые барьеры и трудности (С. 118). Равенство и понимание семьи как «коллектива в детском доме» приводило к установлению доверительных, эмоционально близких отношений между воспитателями и воспитанниками, между старшими и младшими детьми. Именно такие отношения помогали детям выжить в тех тяжелых условиях (С. 118). Культура самоограничения и самодисциплины, уважение к порядку выработали у воспитанников терпение к ошибкам руководителей страны, умение противостоять трудностям, веру в «светлое будущее» и же-

лание с энтузиазмом участвовать в эпохальных проектах. Трудовое обучение и воспитание не только подготовило воспитанников детских домов к работе на заводах и фабриках, но и дало им, особенно детям из интеллигенции, возможность найти себя в жизни как работникам культуры и искусства, образования, руководителям и чиновникам. Однако, как и сегодня, в 20-е — 40-е гг. XX в. наибольшую фрустрацию воспитанники испытывали на себе в тот момент, когда из стабильной, упорядоченной и регулируемой жизни в стенах детского дома они попадали в огромный мир, полный неопределенности и сложных проблем (С. 118).

Третий раздел сборника, самый объемный, рассматривает социальную работу как происходящую из среды общественных движений. Первые шаги в направлении систематизации и профессионализации социальной работы во всех рассматриваемых странах были в значительной степени инспирированы и поддержаны именно социально-политическими движениями (С. 277). Показательным в этом отношении является пример Болгарии, где в начале XX в. возникло и обрело силу движение врачей против одной из самых губительных «социальных болезней» — туберкулеза, а основанное там «Общество борьбы с туберкулезом» включало в свою деятельность и практики социальной работы, что свидетельствует о важности решения вопросов охраны здоровья для развития и профессионализации социальной работы (С. 137). Анализируя, с одной стороны, общественные инициативы, направленные на борьбу с туберкулезом, а с другой — участие государства в формировании социальной политики и политики здравоохранения, Милена Ангелова (Milena Angelova) изучает влияние этого «социального заболевания» как социального конструкта и социальной проблемы на динамику общественного и государственного отношения к социальной работе.

Интересной оказывается и практика Словении. В 80-х гг. XIX столетия там зародилось Движение женщин Словении, активисты которого сыграли определяющую роль в формировании и развитии системы социального обеспечения в стране. Значительные международные связи женского движения в Словении позволили его участницам заимствовать идеи социальной работы как концепции и как профессии у активисток из Германии и США (С. 149). Лидеры женского движения настаивали на решении «женского вопроса» не только в сфере домашнего хозяйства, материнства, здоровья семьи и детей и т. п., но и проявляли серьезный политический интерес к социальным проблемам, таким как доступ женщин к образованию и оплачиваемой работе, избирательные права женщин, вопросы гендерного неравенства. Весна Лескошек (Vesna Leskošek), исследуя влияние Движения женщин Словении на развитие социальной работы в 1900–1940 гг., уделяет значительное внимание деятельности конкретных женских организаций, классифицируя их по роду деятельности и вкладу в развитие и профессионализацию социальной работы в Словении (С. 151–154). Выделяются различные элементы социальной работы как профессии, появлению которых тем или иным образом способствовала деятельность разнообразных женских организаций в Словении (С. 158). В статье отмечается, что женское движение было направлено на социальные изменения в пользу тех, кто не имел прав и возможностей отстаивать себя на политической и социальной аренах в обществе. Активистки женского движения не только оказывали значительное влияние на формирование и профессионализацию социаль-

ной работы, но и брали на себя ответственность за оказание помощи некоторым категориям нуждающихся граждан. Подчеркивается коллективный характер социальной работы и ее явное отличие от благотворительности. Если социальная работа воспринимается как общественная и направленная на социальные изменения, то благотворительность видится как частная, индивидуальная инициатива, не предусматривающая каких-либо акций против социальной несправедливости и не преследующая никаких политических целей (С. 159).

Другими социальными практиками, важными для развития социальной работы, были, например, деятельность общественных организаций Польши по созданию системы заботы о беспризорных детях в период с 1900 по 1960 гг. и развитие института фостерных семей (С. 179). В рамках этой же деятельности рассматриваются вопросы защиты прав детей (С. 180), необходимости институционализации заботы о детях на уровне государственной социальной политики. Практически все проанализированные в третьем разделе практики социальной работы, явившиеся результатом общественных движений разного типа и направленности, включая религиозные кампании и политические движения, не потеряли своей актуальности и могут быть и сегодня востребованы на этапе реформирования социальной политики и системы социальной защиты. Эти практики тесно переплетаются с развитием социальной педагогики, значительное внимание которой уделяется сегодня практически во всех восточно-европейских государствах, а также в странах Западной Европы (Ricijas and Novak 2005).

Вопросам профессионализации социальной работы посвящен последний, четвертый раздел книги, включающий две статьи. Профессионализация характеризуется различными аспектами, самыми важными среди которых являются наличие, качество и количество школ профессионального образования социальных работников; профессиональная коммуникация и обмен информацией; организация профессиональных научно-практических конференций не только на национальном, но и на международном уровне (С. 281). Силвана Рачиеру (Silvana Rachieru) обращается к проблемам профессионального обучения социальных работников в Румынии периода между двумя мировыми войнами. Рассказывается о создании и функционировании специальных школ для социальных медсестер, акушерок, педагогов, работающих с инвалидами, а также медсестер для работы в сельской местности (С. 221). Поскольку указанные образовательные программы и институты функционировали вплоть до начала 1950-х гг., когда в Румынии установился коммунистический режим, можно сказать, что эта страна уже тогда показывала пример прогрессивной системы дифференцированного профессионального образования социальных работников.

Заключительное эссе сборника посвящено исследованию профессионального образования социальных работников в Словении в 1940–1960 гг. Отмечается, что решение о начале такого образования было «решением сверху», поскольку социальные работники стали рассматриваться как необходимая профессиональная категория. Однако одновременно им отводилась «временная роль», поскольку профессия социального работника рассматривалась как присущая «переходному периоду», которая непременно исчезнет в условиях развитого социализма (С. 237). Патерналистский подход к социальной работе и социальной политике привел к значитель-

ной фрагментации социальной системы в 1950-х гг.: работа по социальной защите населения в указанный период рассматривается как шаг вперед к улучшению социального положения «народных масс», с одной стороны, и как вариант социального контроля и био-власть, по определению М. Фуко, с другой (С. 247). В целом начало 1960-х гг. ознаменовалось в Словении появлением Высшей школы для Социальных Работников в Любляне. Кроме того, в это же время начинается бурный рост институтов социального обеспечения и социальной защиты. В 1961 г. высшие политические органы республики рекомендовали организовать специальные центры социальной работы.

Заключение сборника, написанное одним из его редакторов, предлагает краткий сравнительный анализ включенных в книгу эссе по различным основаниям, а именно: по политическому фону происходящей в Восточной и Юго-Восточной Европе институционализации и профессионализации социальной работы; по основным аспектам профессионализации; по укорененности теории и практики социальной работы в общественных движениях разного толка — женских, этнических, конфессиональных; по основным направлениям социальной работы; по специфическим характеристикам, например, гендерным или относящимся к вопросам меньшинств.

Итак, рецензируемая книга — сборник статей по истории социальной работы в странах Восточной и Юго-Восточной Европы — безусловно, является важным вкладом в исследование проблемы профессионализации социальной работы, наполнения ее новым содержанием, соответствующим вызовам современности. Сборник имеет все основания стать источником новых идей не только для исследователей социальной работы, но и, что наиболее важно, для преподавателей, готовящих будущих социальных работников. История социальной работы, представленная в книге в кросс-культурном контексте, демонстрирует особую важность феноменологического подхода и использования в изучении формирования и развития социальной работы биографического метода, метода анализа устных историй бывших социальных работников и клиентов социальных служб, работы с архивными источниками и документами.

Литература

Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. — Саратов: Научная Книга: Центр социальной политики и гендерных исследований. 2005.

Романов П.В. Микроуровень социальной реальности: Возможности междисциплинарного подхода // Социологические исследования. 2002. № 3.

Ярская-Смирнова Е.Р. Профессионализация социальной работы в России // Социологические исследования. 2001. № 5.

Education for Social Work in Eastern Europe. Changing Horizons / Constable R., Mehta V. (eds.) International Association of Schools of Social Work Publications, 1994.

Sing H. The Ambiguous “Double Mandate” of Social Work // IUC Journal of Social Work Theory and Practice. Issue № 12. 19–25 June 2005.

Ricijas, N., Novak T. Advocacy and Empowerment — The Position of Social Pedagogists in Croatia // IUC Journal of Social Work Theory and Practice. Issue № 12. 19–25 June 2005.